

Любим ли мы Бога?

И открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом, дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия, по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем, в котором мы имеем дерзновение и надежный доступ через веру в Него.

(Еф. 3: 9–12)

Все домостроительство Божие и дело, совершенное Богом для спасения человека, было тайной Бога, сокрытой в Нем. И Промысл Божий о человеке был таков, чтобы человек не оставался в падении, не оставался пленником сатаны; Бог сплел огромную сеть, в которую уловил даже самого сатану, уже уверовавшего было в свою победу – в то, что ему удалось поразить образ Божий, низложить человека – самое красивое творение Божие. Но Промысл Божий был иной: чтобы человек не оставался в этом разложении, а имел возможность – разумеется, будучи свободным, – не только возвратиться туда, к началу, к тому, каким создал его Бог, но и пойти намного дальше – стать настоящим чадом Божиим.

Все это было в Божием замысле, потому что Бог не хочет, чтобы человек погиб. Это единственное, чего не хочет Бог, – Он не хочет порока, не хочет греха, не хочет, чтобы человек погиб. Он – Бог и делает все, чтобы спасти человека.

Так задумайтесь над тем, что это значит: всемогущий Бог делает все для спасения человека. Единственное, чего Он не делает, – не потому, что не может, а потому, что не хочет этого делать, – это отнять свободу у человека. Он никогда не делает этого, никогда не отнимает у нас свободу.

Он посылает нам приглашения прийти к Нему. Не принуждает нас силой подойти к Нему ближе, а шлет нам много приглашений, подает много поводов к тому, чтобы мы полюбили Его. Подумайте: прежде всех веков, еще до того, как мир был создан, Бог, так сказать, думал о нас, знал каждого из нас, испытывал эту любовь к нам, ради нашего спасения! Намерение Его было таково, чтобы мы не погибли, не сгинули где-нибудь вдали от лица Его.

А поняв хотя бы это, мы испытаем такое сильное чувство, от которого человек воистину тает в бескрайней благодарности к Богу, ведь он видит безбрежную Божию любовь к нам и при этом – к сожалению – и наши грехи и страсти, наше окаянство, безумные поступки, которыми мы противодействуем плану Божию о нас и нашем спасении и тем срываем его. Потому что грех – это, несомненно, не что иное, как наша попытка, наше согласие с сатаной на то, чтобы нарушить Божию волю о нашем спасении.

Божия любовь, мудрость и Промысл были известны всему творению – ангелам, началам и властям, всем небесным чинам. Но даже ангелы не знали, как Бог спасет человека. Потому и говорится: «Еже от века утаенное и Ангелом несведомое таинство», – ибо и они не знали, как Бог спасет человека. Они видели и

знали Божию любовь, но не знали того, что было открыто только через Пресвятую Богородицу, через воплощение Бога Слова, ставшего Человеком ради нас. Именно эта тайна открывается нам, говорит святой апостол Павел, и многообразная премудрость Божия, которая так многообразна, так богата, так многогранна.

Бог не есть нечто одностороннее. Он совершенен, с какой стороны на Него ни посмотри; Божия премудрость многообразна, она всесовершенна. И право же, если человек, имеющий хоть толику чистого ума и духовности, задумается о том, как Бог управляет всем творением, всей нашей жизнью, нами Ему вверяемой, и как все точно расположено на своем месте и ничто не ускользает от Промысла Божия, тогда он не сможет не восхититься.

Вот, к примеру, на дорогах, даже высокогорных, обычно очень узких и извилистых, порой встречаются бесшабашные водители, куда-то спешащие и безрассудно всех обгоняющие. Кто-нибудь пролетает мимо на огромной скорости, глазом не моргнув. И тут же навстречу ему вылетает другой автомобиль. И ты говоришь себе: «Гляди-ка! Еще секунда-две, и они столкнулись бы: погибли бы сами и погубили бы нас, оказавшихся рядом с ними!»

Разве это не Промысл Божий, наперекор всему снисходящий к нашему безумию и беспечности и тем способом, ведомым только Богу, предусматривающий даже мелочи в нашей жизни?

Конечно, спросят меня: «А почему же тогда происходит столько несчастных случаев? Разве Бог не обо всех промышляет?» Мы не можем знать, почему случаются несчастья; у них бывает много причин: наша беспечность и тысячи других причин. Единственный, Кто не бывает причиной зла, – это Бог. Бог никогда не становится причиной зла. Напротив, имеются случаи, когда, например, происходит какое-нибудь небольшое замедление – к примеру, кто-то задержал нас и потому мы опаздываем куда-то, а позднее оказывается, что если бы мы вышли вовремя, то с нами случилось бы то-то и то-то. Видите, как все, что делает человек, Бог превращает в повод спасти его?

Вспомните, что мы говорим на святой литургии о видимых и невидимых благодеяниях, о которых знаем и о которых не знаем. Невидимых благодеяний и тех, о которых нам неизвестно, больше, чем тех, о которых знаем. Тех, о которых мы знаем, мало. То есть известных нам случаев, когда Бог облагодетельствовал нас, сохранил и спас нас, несравнимо меньше, чем тех, о которых мы даже не подозреваем, когда нечто губительное произошло бы, если бы Бог не вмешался.

Однако когда человек обретет духовный покой, когда он очистит свой ум и войдет в благословенную атмосферу молитвы и безмолвия, тогда душа чувствует эти Божии благодеяния, она становится чуткой к ним и с легкостью понимает Божии благодатные вмешательства. Много раз мы бывали свидетелями вот чего: происходит, например, какое-нибудь потрясающее событие, а мы его не понимаем, так что и не придаем ему значения в тот момент, когда оно

случается, но спустя время, когда пройдут дни, недели, месяцы, а может, даже годы, мы понимаем, что случившееся тогда было не чем иным, как мощным вмешательством Промысла Божия для того, чтобы сохранить нас от всякого телесного и душевного зла.

Итак, Божия премудрость необъятна. Когда Бог делает что-нибудь, Его дело совершенно со всех точек зрения. С какой стороны на него ни посмотришь – видишь совершенство. Человеческие планы несовершенны. Сколь бы совершенными мы их ни создавали, все равно где-нибудь да будет недочет. А когда Бог делает что-нибудь и мы даем Ему исполнить Его замысел, не прерываем Его, злоупотребляя своей свободой, тогда мы видим, сколь необъятна Его мудрость с любой точки зрения – у Него все совершенно, полно, ни в чем нет недостатка, даже и в самом малом, даже в тысячной доле, ни в чем нет погрешности. Поэтому нам нужно научиться верить себя Божию Промыслу. Это не значит, что нужно быть безразличным к событиям в нашей жизни. Нет, мы будем делать то, что зависит от нас, человеческое. Но спокойно, без всего этого натужного напряжения, которое разъедает нас, расстраивает и не дает нам покоя.

Приведу один исторический пример: 400 лет турецкого рабства. Если бы мы жили в то время, то мы не принадлежали бы себе.

Рабство, тяжелые времена, целых 400 лет – это не шутка. Тогда ведь не было ни прав человека, ни чего-нибудь подобного. Тогда существовал другой образ мыслей, другие состояния.

Но, посмотрев на всю историю мира, историю нашего народа, абстрагировавшись от сентиментальностей, мы должны будем констатировать, тем не менее, определенную благотворность этих тяжелых событий. В течение этих 400 лет нас, может, и убивали, и мучили, но у нас появились сонмы мучеников, наполнившие рай. Что еще? Мы спаслись от смерча средневекового западного Просвещения, потому что в противном случае неизвестно еще, сохранились бы мы как православные христиане или нет. Да, все эти 400 лет рабства нас мучили и унижали, если мерить по человеческим меркам, да, погибло столько людей – но мы сохранились.

Это я говорю для того, чтобы мы научились быть людьми. Да, мы будем сражаться, будем бороться, по-человечески будем делать то, что можем, но у нас должна быть и уверенность в Боге. То, что сегодня нам кажется злом, в долгосрочной перспективе может оказаться добром. А то, что сегодня кажется добром, в долгосрочной перспективе может оказаться злом. Возможно даже, что борьба, восстания, бывшие некогда, очень благородны, с точки зрения обстоятельств и образа мыслей той эпохи, проникнуты идеалами и необходимы, но по прошествии некоего времени все это может оказаться ошибкой.

Вы скажете мне: «Но человек тогда не понимал этого». Да, конечно, откуда же нам знать, как все будет развиваться во времени? Однако история народов много раз свидетельствовала: то, что сегодня кажется добром, со временем оказывается ошибкой, а то, что сегодня кажется злом, со временем оказывается по-

лезным, независимо от той цены, которую платишь в тот момент, когда мучаешься.

Как, например, при болезни: человек болен и мучается-мучается, и мы говорим себе: «Как жаль этого человека! Зачем он мучается? Вот бы он выздоровел и чувствовал себя хорошо!» А знаем ли мы, какую пользу приносит ему эта болезнь? В какой-то момент и она закончится, хотя, может, до этого должны пройти годы.

Скажите мне: «Да ведь как они проходят!» Да, очень тяжело. Невообразимо тяжело. Однако конец так велик, он так величествен, что человеку стоит пройти через эту тяготу. Как жена, которой предстоит рожать, девять месяцев мучается всеми этими муками, которые вам, матери, известны, всеми этими болезнями, пока не родит. Однако когда ребенок рождается и женщина увидит своего младенца – такого милого, красивого, единственного, – то все забывается. Так и с человеком, по крайней мере в настоящей жизни. Он мучается, страдает, терзается, но когда появится плод, тогда им измеряется все минувшее.

Поэтому человеку нужно научиться иметь мир в душе, делать то, что он может, но с миром, сознавая, что не все зависит от него. Ты делай то, что можешь. Ты будешь судим, если не сделаешь того, что можешь. Ты будешь судим Богом, если окажешься боязливым, нерадивым, если окажется, что тебе тяжело делать то, что следовало бы. Однако в тот момент, когда ты скажешь себе: «Все, я уже больше ничего не могу сделать! Я вижу, чувствую, уверен, что сделал все что мог! Все! На этом я останавливаюсь и предаю

все в руки Божии!» – ты увидишь, как Бог все устроит...

Верим – и тогда все для нас прекрасно. Напротив, когда теряется душевное умиротворение, мы становимся подобны зверю, запертому в клетке, желающему сами решетки перегрызть, потому что не произошло того, чего мы хотели, потому что не произошло того, что мы задумали, и мы места не находим себе поэтому. Но если мы не хотим смириться и постоянно возмущены тем, что у нас ничего не получается, мы так и будем все время совершать ошибки. Ни дела, которое хотим, мы не сделаем, ни мира в нас не будет. И все это – признаки нетерпения, которое рождается из маловерия, и это приводит нас к ошибкам.

К сожалению, в последние годы для нас, как народа, характерно нетерпение. Тогда как для наших предков было характерно терпение.

Они проявляли терпение в течение веков. У них была вера, они были верующими людьми, и терпение заставляло их быть мудрыми и благоразумными.

В то время как нетерпение приводит к поспешности, панике, ты теряешь хладнокровие, решаешься на необдуманные, импульсивные поступки, а потом откручивается множество ошибок. И иногда уже бывает поздно исправить их, а вопрос касается серьезных решений, которые человек должен принять.

Итак, Божия мудрость многообразна, и, когда Бог делает, что хочет, Его дело совершенно.

Апостол говорит: «Дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия». Эта мудрость стала известной через Церковь... Что значит «через Церковь»? Как она стала известна начальствам, ангелам, всему творению?

Через Церковь – потому что Церковь есть Тело Христово. Христос стал Человеком, чтобы основать Церковь, которая будет хранить тайну спасения человека через все века. Когда мы говорим «Церковь», то, естественно, имеем в виду не церковь как здание и не ее иерархию, а всех нас, вместе взятых. Когда человек спасается и через святые тайны соединяется с Христом, это есть откровение Божией любви и мудрости. Никому не могло взойти это на ум – ни ангелу, ни иному творению, – что человек сможет соединиться с Богом.

Это нечто невозможное, это не укладывается в человеческом уме. Помолиться Богу и чтобы Он оказал тебе какое-нибудь благодеяние – это да, разумеется, но чтобы соединиться с Богом и стать с Ним чем-то одним – это не может быть понято человеческим умом. Как такое может быть? И, несмотря на это, Бог стал Человеком, и человек обожился. Бог стал Человеком, чтобы обожить человека, – это Церковь, это великая тайна: человек обожился по благодати. Когда мы принимаем крещение, мы возрождаемся, становимся новыми людьми, и изменяется вся наша сущность; а когда мы причащаемся тела и крови Христовых, и соединяемся с Богом, и делаемся с Ним одним целым – это что? Разве это не великое таинство Церкви?!

Вот некоторые люди порой говорят: «Я хожу в церковь, но сам по себе!»

Раз я спросил у одного человека:

– Ты ходишь в церковь?

– Да, но сам по себе.

– Ты сам служишь литургию там?

– Нет, я иду в церковь и там молюсь.

«Там молюсь»... Так ты молишься и дома! Нет нужды ходить еще и в храм, чтобы молиться. Ну, хорошо, конечно, и в храм пойти надо. Но ты и дома молишься. А в церковь мы зачем ходим? Мы ходим в церковь, то есть в храм, потому что там совершается Евхаристия, святая Литургия, потому что там мы все, как один, служим Богу и причащаемся Христовых тела и крови, и так совершается наше спасение, и мы образуем Церковь как собрание верных людей.

Если мы это поймем и будем этим жить, то тогда, что бы ни случилось, как бы нам ни было трудно и мучительно, мы не отдалимся от святой литургии – так христиане первых веков шли на святую литургию, невзирая на то, что знали: это будет стоить им жизни. Невзирая на то, что их часто убивали по пути к храму или даже в самом храме, на святой литургии. Были случаи, когда людей сжигали тысячами: так 20 тысяч мучеников сгорели в Никомидии в храме во время совершения святой литургии. Они не испугались, не дрогнули, потому что знали, что соединиться с Богом – намного важнее, чем прожить еще 50 лет или даже вообще жить этой земной жизнью.

Итак, мы – Церковь, все мы вместе, все люди, и нам нужно развивать этот великий дар – дар быть членами Церкви, нужно усвоить себе сознание того, что

мы не некие изолированные индивиды и личности, действующие каждый сам по себе, нет, мы – члены одного тела.

Церковь – это одно тело, распростертое по всему миру, и все вместе мы, люди, являемся одним телом.

Потому-то Церковь, к примеру, вела борьбу за то, чтобы все праздновали Пасху одновременно, а не каждый когда ему вздумается, ибо Церковь – одно тело. Существует пост, и мы постимся все вместе. Церковь не говорила нам: «Поститесь, когда захотите», – и тогда кто-нибудь мог бы сказать: «А мне нравится поститься в понедельник и четверг», «А мне во вторник и субботу», «А мне в воскресенье».

Быть членом Церкви – значит не вести отдельную от других жизнь. В Церкви ты становишься единым со всеми другими, и потому в Церкви есть подвиги, которые общи всем нам, например Великий пост: это время подвига для всех христиан – время поста, молитвы, бдения, милостыни, покаяния. Или если взять воскресенье – оно всеобщий день проведения богослужения; или вот среда и пятница – дни поста, и вся Церковь постится, все ее члены постятся. И это помогает нам понять и почувствовать, что мы не изолированы, а являемся членами тела Церкви и поэтому должны быть органично связаны с Христовым Телом – Церковью.

Итак, это та мудрость, которая через Церковь открылась миру «по предвечному определению, которое Бог исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем», то есть по вечному плану Бога. Как мы уже говорили

раньше, Бог предвечно знал, что Ему нужно сделать, чтобы не дать нам погибнуть, то есть знал то, что совершится в Господе нашем Иисусе Христе, в Лице Христа.

Мы много раз говорили о том, что в Церкви мы не идеологи, не философы и не люди, следующие неким принципам и идеалам. А кто мы? Вы знаете, кто мы? Мы – влюбленные. Влюбленные в Господа нашего Иисуса Христа. Так можно сказать о христианине. Если мы не поймем этого, мы никогда не поймем ни ту войну, которую ведет Церковь, ни святых.

Но как часто, ой как часто, мы видим христиан, которые ходят в церковь, но не понимают самых основных вещей. Вот конкретный случай. Один юноша захотел стать монахом. И вот приходит ко мне его мать.

Вы знаете, ведь когда кто-нибудь на Кипре хочет стать монахом, то виноват в этом я – независимо от того, знаю ли я его вообще или нет, но виноват я. И этого юношу я не знал, я его даже ни разу не видел, да и уехал-то он, чтобы стать монахом, вовсе не на Кипр и не в Грецию, а в совсем другую страну. Я ни разу не видел этого юношу. Я даже полагаю, что и он меня не знает в лицо, может, только слышал мое имя. Итак, и я его не знаю, и он меня не знает. И я спросил его мать:

- А я его когда-нибудь видел?
- Нет.
- А он меня видел?

– Думаю, что нет.

К счастью, слава Богу, ни я его не видел, ни он меня. Ну, хоть в этом случае я ни при чем. Но что же она мне сказала?

– Это я виновата, что он ушел в монахи!

Я спросил ее:

– А почему ты считаешь себя виноватой?

– Потому что я с малых лет водила его в храм и говорила ему, чтобы он любил Бога и Церковь.

– Ах да, действительно! А он, вот досада, взял и поверил тебе! К сожалению, он тебе поверил. Ведь он же должен был не верить тебе. После того, как ты ему сказала, чтобы он любил Бога.

– Да, я говорила ему, чтобы он любил Бога, но не говорила, чтобы он взял да и стал монахом!

– Ну, так надо было сказать ему так: «Сын мой, ты люби Бога, но в меру, ты не люби Его много, люби Его мало, потому что если возлюбишь Его много, то у нас потом могут быть проблемы». А ведь так не бывает. В Церкви любовь не имеет меры.

– Но разве он не мог выбрать какой-нибудь другой путь?

– Разумеется, мог и выбрать какой-нибудь другой путь, и заняться чем-нибудь другим.

Мы должны понять, в Церкви мера – это не то, что я могу делать или что должен делать, а то, что говорит мне сердце. Как если кто любит какую-нибудь девушку и женится на ней, то его побуждением является любовь. Самое главное – любовь, а потом уже все остальное. Так и с человеком, который любит Бога, но намного больше, и он действует, меряя все любовью к Богу.

Церковь – это не то место, где учат детей быть хорошими, чтобы они потом не стали принимать наркотики и не попали в тюрьму, а место, где учатся любить Бога. Кто хочет только того, чтобы его дети были хорошими, тот пусть водит их не в церковь. Пусть он водит их в какое-нибудь другое место. Никакой нужды нет водить их для этого в церковь, мучить их стоянием с раннего утра, с 7 часов, в храме. Пусть водит их в другие места – ведь есть столько мест, групп, систем обучения, где детей учат быть хорошими.

Человек, приходя в Церковь, должен научиться любить Бога. Если он не поймет этого, то он ничего не добьется. Говоря «любить Бога», я имею в виду не какого-то абстрактного бога, сидящего где-то за облаками, которого мы хотели бы любить, но только он – в своем доме, а мы – в своем. Я имею в виду: любить Иисуса Христа; говоря «чтобы он любил Его», имею в виду: любить Его больше всего. Если ты любишь, то ты любишь самоотверженно, в противном случае ты не любишь.

Скажут мне: «Хорошо, значит, чтобы любить Бога, я должен стать монахом?»

Нет, конечно! Кто тебе сказал такое? Ты можешь любить Бога и жениться, и совершить тысячу дел, и жить в обществе, спору нет. Любовь к Богу, однако, должна быть для тебя на первом месте, а не так, что сначала другие дела, а потом уже любовь к Богу. Если ты ставишь другие дела на первое место, а уже затем – любовь к Богу, тогда это и не любовь, а приспособление, подлаживание.

Получается, что мы хотим держать Бога в уголке – на всякий случай, чтобы у нас не было проблем: чтобы Он не прогневался и мы не заболели бы или с нами чего-нибудь не случилось бы. Так что иногда Бог бывает нужен нам, и поэтому не будем упускать Его, чтобы, когда Он нам потребуется, мы Его позвали бы – и Он вышел бы из угла. Или, когда умрем, чтобы Он поселил нас в раю.

Нет, не так надо. Потому и Христос говорит нам, что Он не хочет теплохладности. Он сказал, что выплюнет, изблюет того, кто теплохладен. Бог не желает такого. Бог хочет, чтобы ты Его любил.

А разве мы с вами не такие же? Сколько раз бывало, что приходят супруги и говорят: «Я понял, что моя супруга (мой супруг) не любит меня, и не могу вынести этого!»

Да, мы не допускаем того, чтобы другой любил нас мало. Мы хотим, чтобы другой любил нас безусловно. Ведь любовь – это сила, не знающая ограничений, тем более Божия любовь – она безгранична. И нам нельзя любить Бога мало.

Скажут мне: «Я хочу сильно любить Его, но не могу. Я не умею этого!»

Ну, хорошо, я понимаю: мы все хотим любить Бога, но наша повседневная жизнь такова, к сожалению, что у нас не получается любить Его так, как следовало бы. Однако будем пытаться, по крайней мере; хотя бы поймем, что нужно любить Его всецело. Давайте хотя бы в теории не будем ошибаться; другое дело

– на практике: там мы не умеем, но там существует покаяние. Покаяние в конечном счете спасет нас, именно оно спасет нас, а не дела. Однако когда мы и в теории грешим, тогда мы достойны жалости. Всю свою жизнь прожить в Церкви, водить внука своего в церковь, причащать его, заставлять молиться, исповедоваться, читать книги о святых, а когда он захочет подражать тому, о чем читает, ты отступаешься – тогда, действительно, что тебе сказать? Жалко потраченных тобою лет, жалко обуви, которую ты истоптал, ходя в церковь. Лучше бы ты не приходил сюда вовсе. Такие люди намного хуже других людей.

Признаюсь вам, что знаю таких религиозных, благочестивых людей, которые бывают хуже бесов, стоит только Богу слегка задеть их, то есть чтобы кто-нибудь из их ближних захотел сделать шаг вперед. Видел я и других людей, далеких от Бога, которые встречали проблемы и выбор своих детей благородно и с достоинством. Вот и говоришь себе: человек может годами ревностно ходить в церковь, он может состариться, сидя на табуретке или скамейке в храме, и не иметь в душе ничего, что напоминало бы об Евангелии и Церкви. Что толку от всех этих лет?

Знаете, этот случай, о котором я вам рассказал, не самый страшный. Бывают и другие, и тогда мы обнаруживаем, прикоснулись ли мы к Церкви за все эти годы.

Мне приходит на память один старец со Святой Горы, который говорил: «Я спрашиваю себя: читал ли этот человек вообще когда-нибудь Евангелие?» Он говорил это главным образом о священниках и ду-

ховниках, которые держали себя так, как будто никогда не читали Евангелие. Господи, сохрани и помилуй нас!

Это трагедия – всю жизнь простоять в храме и не понять, почему Христос стал Человеком, не понять, что Он стал Человеком, чтобы привлечь нас и чтобы мы Его возлюбили, и все эти святые, на чьи праздники мы ходим и чьи иконы целуем, были не иными какими, а такими же людьми, как и мы, но только они возлюбили Бога всем сердцем.

Мы не поняли также, что первая и особая заповедь – это не стать хорошим человеком или хорошим ребенком, а возлюбить Бога всем своим сердцем.

Я могу быть окаянным, треклятым, но любить Бога и каяться потом в делах, которыми огорчаю Бога. И могу быть порядочным, но не любить Бога, а любить свои страсти, прилепиться к своим страстям, и когда начнется противоречие между Богом и моими страстями, то я предпочту оттеснить подальше Бога и выставить вперед страсти, какая бы это страсть ни была – сластолюбие, сребролюбие, славолюбие, все наши пороки и ничтожество.

Действительно, такой человек – самая трагичная фигура, какая только может быть: годы подряд провести в храме и вообще так не понять цели, ради которой Христос стал Человеком, и спрашивать себя: «Но почему тот-то делает то-то? Разве он не мог сделать что-то другое? Бог хочет того, Бог хочет другого...»

Бог ничего не хочет. Чего Он может хотеть от нас? Только одного – нашего спасения. А как мы совершим наше спасение – это уже вопрос нашего выбора.

В Церковь мы приходим, чтобы научиться любить Христа – конкретного Христа, не что-то неопределенное, а конкретную личность, Того, Кто ради нас стал Человеком 2000 лет назад, Того, Кого мы видим на иконе, Того, Кого мы причащаемся на всякий день, Того, к Кому мы обращаемся всякий раз, когда говорим: «Спасе Христе, помоги мне! Господи Иисусе Христе, помилуй мя!»

Это цель Церкви – чтобы мы возлюбили Христа в ответ на Его любовь. Кто поймет это, тот сможет привести в порядок всю свою жизнь. А кто думает, что в храм приходят с какой-то другой, какой бы то ни было, целью, тот совершает ошибку. И время проходит, а он не извлекает пользы, и чаще всего становится только хуже, потому что думает, что все в порядке, что он – уже очень хороший христианин.

Знаете, однажды, когда я был на Святой Горе, пришел туда юноша, выпускник богословского факультета, чтобы стать монахом. Через два дня явился его отец.

Он пришел, чтобы забрать своего сына. Ну, хочешь его забрать – забирай. Никаких проблем. И вот отец его говорит мне:

- У меня давно было такое желание – прийти на святой Афон!
- Ну, вот Бог и сподобил тебя прийти!
- А если уж мы пришли, то завтра я в честь этого даже причащусь!

Я не допустил его к причастию. Я сказал ему:

– Завтра буду служить я, и не смей приступать ко святому причастию!

– Как, я так хотел приехать на Святую Гору, и мне здесь не причаститься?!

Я сказал ему:

– Да ты в своем уме? Ты понимаешь ли, что ты творишь? И еще хочешь причаститься? Имей же хоть капельку совести. Или хоть капельку ума, если не чего-нибудь еще!

Он мне сказал:

– Я забираю его из сада Пресвятой Богородицы, чтобы отвести в сад Христов!

– Ну, – ответил я ему, – быть по сему. Забирай его, сын мой, в сад Христов.

Не буду говорить вам, чем это кончилось, потому что конец вышел очень трагичный. Годы спустя он снова пришел и просил принять его сына обратно в сад Пресвятой Богородицы – но уже было слишком поздно.

Этот человек был благочестивым, он ходил в церковь, назидал других, он приехал на Афон, он даже постился, чтобы причаститься там, и в то же время совершал духовное преступление. Но совесть не обличала его, потому что он никогда не понимал, столько лет проведя в храме, что цель, ради которой ты находишься там, – это полюбить Христа, а не исполнять несколько формальных обязанностей, которые сделают тебя хорошим человеком.

Это опасно, когда человек пребывает в Церкви, ничего не понимая, особенно если он не кается, – так он

может уверить себя, будто он очень хороший человек.

Такие люди часто встречаются, они имеют весьма лестное представление о себе и говорят: «Мы хорошие люди! Где ни спросишь, тебе всюду скажут обо мне одно только хорошее! Нет такого человека, который сказал бы что-нибудь плохое обо мне. Мы никогда никому не делали зла. Никогда никого не обижали. Никогда никого не притесняли, никогда никому не причиняли вреда».

Когда кто-нибудь думает о себе таким образом, тогда он нуждается в срочном наблюдении: он опасный человек, духовно опасный. Великие святые, апостолы говорили: «Мы самые плохие люди». «Я наименьший из всех», – говорит апостол Павел, и он даже говорит, что он – *изверг* (Еф. 3: 8; 1 Кор. 15: 8), то есть нечто такое, что мы выбрасываем вон, как самую мерзкую нечистоту. Апостолы говорили, что нет таких зол, которых они не совершили бы, и они никогда не находили ничего хорошего в себе. Так говорили святые, и мы в тропарях читаем: «Хочу найти в себе что-нибудь хорошее – и не нахожу». Нет во мне ничего хорошего, я не нахожу, чтобы я совершил что-нибудь хорошее.

Вспоминается мне отец Ефрем Катунакский. Это было уже на закате его жизни, и ему Богом дано было предвкусить смерть. Он сказал нам:
– У меня предчувствие скорой смерти уже несколько дней подряд, и я исхожу слезами, потому что ищу в себе что-нибудь хорошее, но не нахожу ничего!

И я сказал себе: вот авва Ефрем Катунакский; ему 80 лет; он живет в пустыне; это человек, который видел Бога каждый день, как говорится, – и он не находит в себе хорошего! И я потом видел других людей, которые ищут в себе что-нибудь плохое и не находят – столько в них хорошего...

Как же мы немощны, и сколько же нам нужно работать над собой! Поистине, да помилует Бог всех нас, потому что наше ослепление часто бывает так велико, что мы вообще не видим, что происходит вокруг нас. Поймем же хотя бы одно это: в Церкви критерием служит то, любим ли мы Бога – всей душой и всем существом своим...

*Митрополит Лимассольский Афанасий,
Перевела с болгарского Станка Косова*

